

КАЗАНСКАЯ ВОЙНА И РЕФОРМЫ 50-Х ГОДОВ

Перед правительством, которое встало во главе России в конце 40-х годов XVI века, стояли две серьезные проблемы, требовавшие немедленного решения: борьба с возросшей внешней угрозой и необходимость вывести страну из состояния острого внутривнутриполитического кризиса. В реальной жизни обе проблемы решались одновременно и были тесно взаимосвязаны: объединение разных слоев общества для совместной борьбы с угрожавшей всем внешней опасностью создало благоприятную обстановку для проведения реформ, способствовавших выходу страны из кризиса; в свою очередь, проведение реформ, ослаблявших или устранявших противоречия между разными слоями общества, способствовало их объединению для борьбы с внешней опасностью.

Но для облегчения восприятия читателя решение внешне- и внутривнутриполитических проблем будет рассмотрено отдельно друг от друга.

Историю средневековой России, в отличие от истории многих европейских стран, невозможно полностью понять и представить без учета истории ее отношений с кочевым миром, с объединениями кочевников, заселявших обширные восточноевропейские степи. История этих отношений знала разные периоды — и время острой конфронтации, и время сравнительно мирного соседства. Ситуация резко изменилась после образования Золотой орды и установления ее господства над русскими землями. Разорительные набеги, сопровож-

дававшиеся разрушениями и пожарами, истребление населения и угон его в рабство, уплата тяжелой дани — «выхода», многие десятилетия истощали и разоряли русские земли, замедляли и задерживали их развитие. Не случайно борьба Руси с приходящими из степей завоевателями стала одной из главных тем формировавшегося в XIV—XV веках русского героического эпоса. Необходимость постоянной борьбы с опасностью, угрожавшей всему обществу, стала одним из факторов, способствовавших созданию сильной государственной организации, которая могла бы оградить общество от внешней угрозы.

Благоприятные условия для борьбы с этой опасностью появились с распадом Золотой орды на ряд соперничавших друг с другом ханств. Правительство деда Ивана Грозного, Ивана III, успешно использовало эти противоречия в своих интересах. Наиболее крупным среди татарских ханств второй половины XV века была Большая орда, претендовавшая на верховную власть над всеми ордами, вышедшими из недр Золотой орды. В этих условиях и образовавшееся в середине XV века Крымское ханство, и кочевавшая на Нижней Волге и Яике (современная река Урал) Ногайская орда (ее возглавляли потомки знаменитого правителя начала XV века эмира Едигея) искали союза с Русским государством. Эту выгодно сложившуюся ситуацию Иван III использовал, чтобы подчинить своей верховной власти образовавшееся на землях среднего Поволжья Казанское ханство. Вмешавшись в борьбу претендентов за казанский стол, Иван III к концу 80-х годов XV века сумел посадить на него своего ставленника. В конце XV — начале XVI века великий князь Московский определял, кто будет ханом в Казани, и по его приказу казанские правители посылали войска в поход против его врагов.

Это выгодное для Русского государства положение стало изменяться после распада Большой орды в результате поражений, нанесенных ей в начале XVI века крымскими татарами. Усилившийся после этой победы Крым уже не был заинтересован в союзе с Россией. С 1511—1512 годов начинаются крупные постоянные набеги крымских татар на южные русские области, и русское правительство оказалось вынуждено ежегодно высылать войска на юг — на Оку и Угру и в ряд городов южнее Оки. Оказалась не заинтересованной в сотрудничестве с Россией и Ногайская орда. При поддержке ногаев казанская знать побудила в 1505 году своего хана Мухаммед-Эмина к отложению от Русского государства. Правда, довольно скоро между Москвой и Казанью был установлен мир, но часть казанской знати, связанная с Крымом, также стремилась к возобновлению набегов на русские земли. И набеги действительно последовали в начале 20-х годов, когда казанским ханом стал крымский царевич Сахиб-Гирей.

Особенную тревогу у русских политиков должен был вызывать тот факт, что за спиной татарских правителей все более определенно выступала одна из крупнейших мировых держав того времени — Ос-

манская империя, которая именно в это время, в правление султана Сулеймана Великолепного, достигла зенита своего могущества. В Крыму с начала 20-х годов XVI века находились османские войска, и крымский хан во все большей мере становился исполнителем приказов Стамбула. Тогда же, в 20-х годах XVI века, казанский хан Сахиб-Гирей официально объявил себя вассалом султана, и посол Сулеймана заявил об этом в Москве. После упорной борьбы Василию III в конце правления удалось подчинить Казанское ханство своему влиянию — в 1532 году на казанский трон был посажен его ставленник Джан-Али, потомок ханов Большой орды, наследственных врагов крымских Гиреев. Как вассал великого князя, Джан-Али просил у Василия III в 1533 году разрешения жениться на Сююн-Бике, дочери Юсуфа, одного из мурз, стоявших во главе Ногайской орды.

Однако после смерти Василия III, когда началась война с Великим княжеством Литовским и армия короля Сигизмунда I вступила в Северскую землю и заняла здесь ряд городов, в Казани в сентябре 1535 года произошел переворот: Джан-Али был убит и ханом стал пришедший из Крыма царевич Сафа-Гирей. Уже зимой 1535/36 года «приходили татарове к Нижнему Новгороду и на Балахну». С этого времени начались постоянные набеги казанских татар на восточные районы Русского государства.

Пока шла война с Литвой, в Москве были вынуждены ограничиваться обороной восточных границ, но по заключении перемирия началась подготовка к походу на Казань. Однако в защиту Казани решительно выступил крымский хан Сахиб-Гирей (тот самый «царевич», который в 20-х годах сидел в Казани). Заявив, что «Казанская земля мой юрт, а Сафа-Гирей царь брат мой», хан потребовал прекращения военных действий против Казани. Если великий князь не прекратит войны, заявлял хан, то «меня на Москве смотри». Желая избежать войны «на обе стороны христианству от Крыму и от Казани», правительство отменило решение о походе на Казань, но мира эта уступчивость не принесла. Набеги казанских татар продолжались, и хан Сафа-Гирей заявил, что мир будет заключен лишь в том случае, если русское правительство согласится выплачивать Казани «выход». Продолжались и набеги крымских татар, а тон крымских грамот, посылавшихся в Москву, стал вызывающим. Хан требовал как можно скорее прислать ему «большие поминки» (так назывались значительные денежные суммы, которые русские выплачивали крымским татарам, чтобы те не нападали на их земли), и вместе с тем угрожал: «более ста тысяч рати у меня есть и возму, шед, из твоей земли по одной голове, сколько твоей земле убытка будет». Не ограничиваясь этим, хан угрожал силой и могуществом султана, перечисляя покоренные османами народы. «Хандыкерево величество вселенную покорил от Востока и до Запада, Индию и черных людей арапов и азамов, и кизилбаша, фрягов, угорского короля... даи Боже нам ему

твоя земля показати». И это не были пустые угрозы. Когда в 1541 году Сахиб-Гирей предпринял большой поход на Москву, с ним, как мы уже говорили, кроме крымских татар и ногайцев, шли «турского царя люди и с пушками и с пищальми» — явное доказательство того, что Стамбул поощрял и поддерживал враждебные действия хана против Русского государства.

По сведениям, которые поступали в Москву, в Стамбуле проявляли явное желание использовать в своих интересах ослабление России, охваченной внутренними смутами. Когда при дворе султана объявился знатный беглец из России, князь Семен Бельский, по матери потомок рязанских князей, который выразил желание «доставать вотчины своей Рязани», обещая стать вассалом султана и выплачивать ему дань, султан посулил ему войско и приказал Сахиб-Гирею и наместнику Кафы оказать ему помощь. До попыток осуществления этого плана дело не дошло только потому, что на пути в Крым Семен Бельский попал в плен к одному из ногайских мурз.

В годы «боярского правления», когда Русское государство временно оказалось не в состоянии проводить активную внешнюю политику по отношению к кочевому миру, крымские ханы, опираясь на поддержку Стамбула, предприняли ряд усилий, чтобы расширить зону своего влияния в Восточной Европе. С появлением крымского царевича в Казани Казань вошла в сферу этого влияния, теперь крымские ханы хотели подчинить себе расположенное на нижней Волге Астраханское ханство. В конце 1547 года Сахиб-Гирей писал Ивану IV: «На недруга своего на Астраханского ходили есмь, и... взяли есмь и юрт его хотели есмь держати да затем покинули, что место недобро. И мы того для людей их и улусов там не оставляли, всех пригоняли к себе». При поддержке султана в конце 30-х — первой половине 40-х годов XVI века Сахиб-Гирей предпринял также ряд походов на земли адыгов и кабардинцев. Подчинение этих племен должно было открыть Османской империи путь через предгорья Северного Кавказа к Каспийскому морю и владениям враждебного Ирана. Обрисовывалась опасная перспектива объединения татарских ханств на территории Восточной Европы под эгидой враждебного России Крыма при поддержке Стамбула.

Это, однако, представляло опасность скорее в будущем, а для России конца 30-х — 40-х годов XVI века главной опасностью были непрекращавшиеся набеги крымских и казанских татар. Если и ранее приходилось ежегодно мобилизовывать большие силы и средства (не только дворянское ополчение и городских жителей «пищальников», но и крестьян с их подводами для производства оборонительных работ) для обороны южной границы, то теперь приходилось строить крепости и на восточной границе и ежегодно посылать туда войска. Как писал один из современников, «Рязанская земля и Северская крымским мечем погублена, Низовская же земля вся, Галич и Устюг

и Вятка и Пермь, от казанцев запусте». Набеги казанских татар наносили особо ощутимый вред. Если крымские набеги затрагивали прежде всего южные, еще слабо заселенные окраины государства, то казанские татары нападали на старые, к этому времени достаточно плотно населенные территории, где находились и владения знати, и знаменитые русские обитатели. Сафа-Гирей сумел породниться с соседними татарскими владельцами (в его гареме были не только вдова хана Джан-Али Сююн-Бике, дочь влиятельного ногайского мурзы Юсуфа, но и дочери сибирского и астраханского ханов) и, вероятно, получал от них военную помощь. Со временем нападения казанских татар приобретали все больший размах — их войска доходили до «Володимерских мест», а на севере — до реки Сухоны.

Хотя к середине 40-х годов стала ясна необходимость неотложной борьбы с казанской угрозой, в правящей элите налично были настроения уныния и неверия в успех. Позднее Иван IV вспоминал, что назначение во главе посланной против казанских татар рати князя Семена Ивановича Микулинского было воспринято как свидетельство опалы («вы все глаголали есте, яко мы в опале своей послали, казнити его хотя»). Поход, предпринятый «легким делом в струзах» (то есть на судах. — *Б.Ф.*), ограничился опустошением территории ханства. Однако именно с этого времени начался новый этап в истории отношений с Казанью, так как переход России к активной политике привел к обострению внутренних конфликтов в Казанском ханстве.

Все прочие татарские ханства Восточной Европы представляли собой объединения кочевников, для процветания социальной верхушки которых были необходимы постоянные набеги на сельскохозяйственные территории. Эти набеги приносили добычу и рабов, которых затем продавали на невольничьих рынках Востока. В отличие от них Казанское ханство включало в свой состав земли, заселенные земледельческим населением. Поэтому казанская знать, хотя она и охотно принимала участие в набегах на Россию, могла, если считала это для себя выгодным, пойти на установление мирных отношений с западным соседом, как это имело место в последние десятилетия XV века. Сафа-Гирей пытался править Казанью, опираясь на пришедших с ним крымских воинов, и выдвигал их в ущерб местной, казанской знати. Активизация русской внешней политики побудила казанских противников Сафа-Гирея к действиям. В январе 1546 года в Казани вспыхнуло восстание, и хана с его крымским окружением «выбили» из города. Между группировками казанской знати началась борьба за будущую ориентацию ханства. Часть казанцев отправила посла в Крым, чтобы крымский хан «прислал царевича своего салтана от недруга боронити от московского», но возобладали сторонники соглашения с Москвой. В апреле 1546 года Иван IV «отпустил на царство» в Казань своего ставленника, служилого царевича Шах-Али (в русских источниках Шигалея), сидевшего ранее в городе Касимове на

Оке. Однако Шах-Али пробыл в Казани всего месяц. Сафа-Гирей сумел найти поддержку в Ногайской орде. Когда он подступил к Казани с войском, Шах-Али был вынужден бежать. В Казани началась расправа со сторонниками «московской» ориентации: ряд князей был казнен, другие «приехали ис Казани к великому князю».

Добиться смены власти в Казани не удалось, но происшедшие события показали отсутствие единства в правящей элите Казанского ханства. Выявилась непрочность ханства и в ином отношении. В его состав наряду с землями, которыми прямо владела татарская знать, входили обширные территории, заселенные угро-финскими народами — чувашами, марийцами, удмуртами (в русских летописях и документах они часто обозначались общим названием «черемиса»). Эти земли имели собственных «старейшин», платили ханам дань — «ясак», по их требованиям посылали своих людей в военные походы. В условиях, когда возникла перспектива большой войны с Россией, «черемиса», живущая на Горной (западной) стороне Волги по границе с русскими землями, стала отказываться от поддержки политики Сафа-Гирея. У русских воевод, предпринявших в январе 1547 года новый поход на ханство, «просила Горня черемиса царя Шигалея на Казань».

Ко времени царской коронации Ивана IV (1547 год) борьба с Казанским ханством стала самой важной задачей русской внешней политики. В ее решении оказались заинтересованы самые разные слои русского общества. Все население желало прекращения разорительных набегов и понимало, что самым надежным путем, ведущим к этому, является подчинение Казанского ханства русской власти. Кроме того, у разных слоев общества были свои особые причины добиваться активной политики по отношению к Казани. Русское купечество было заинтересовано в спокойной и безопасной торговле по Волжскому торговому пути, ведущему в богатый шелком Иран, который к этому времени уже превращался в важный рынок сбыта предметов русского ремесла. Татарские ханства, контролировавшие разные участки Волжского пути, препятствовали этому. «На поле всегда лихих людей много разных государств. И тех людей кому мочно знати, хто ни ограбит тот имени своего не скажет» — так меланхолически реагировал один из ногайских мурз на очередное сообщение об ограблении русских купцов. Не исключено, что такой беспорядок до известной степени отвечал интересам кочевой знати, позволяя ей таким образом увеличивать свои доходы.

Дворянство связывало с войной надежды на приобретение новых земель в плодородном Поволжье. Настроения дворянства выразил в конце 40-х годов XVI века Иван Семенович Пересветов в своей «большой челобитной» Ивану IV. Ссылаясь на то, что многие «воинники», побывавшие в Казанском ханстве, называют эту землю за ее необыкновенное плодородие «подрайской землицей», он с несколько циничной откровенностью писал царю, что, конечно, нельзя тер-

петь «недружбы» со стороны Казани, но «хотя бы таковая земля в дружбе была и ея не мочно терпети за такое угодие».

Всем своим авторитетом поддерживала войну с Казанью и церковь, которая видела в этой войне важнейший этап борьбы православного христианского мира с миром ислама. В речи, произнесенной митрополитом Макарием на царском венчании, выражалась надежда, что Бог покорит царю «вся варварския языки». И церковь не ограничивалась молитвами. Когда осенью 1549 года споры воевод о «местах» поставили под сомнение успех похода на Казань, митрополит Макарий лично выехал в лагерь русских войск под Владимиром и убеждал воевод идти сражаться «за святые церкви и за православное христианство»; в такой войне, говорил он, не может быть споров о «местах» и на время похода они должны быть забыты. Уже из слов митрополита видно, что поход на Казань был не обычным военным предприятием, а священной войной, своего рода крестовым походом. И в официальной летописи, и в источниках, вышедших из церковной среды, неоднократно выражалось убеждение, что погибшие в такой войне пали «за православие» и подобны мученикам первых веков христианства. На том свете Бог дарует им «бесконечную радость и веселие, еже у Господа своего быти и со ангелы предстояти». Походы на Казань начинались молениями святым и Богу с просьбой о покровительстве. (Особенно горячо молил царь преподобного Сергия, напоминая о том, что он еще при рождении был отдан отцом под его покровительство.) Войско сопровождали высокие духовные лица и чудотворные образа. Взятию Казани в 1552 году сопутствовали чудеса и знамения. В повестях о взятии Казани, написанных келарем Троице-Сергиева монастыря Адрианом Ангеловым, рассказывается, что само время штурма города указал святой Николай-угодник, чудесно явившийся одному из детей боярских, а русские пленные в Казани видели старца, подметающего «храмины во граде» — то был сам Сергий, так готовивший Казань ко встрече русских войск. Курбский, сам участник похода, говорит о кресте с частицей «спасенного дерева, на нем же Христос плотию пострада», который, когда его привезли из Москвы, не позволил казанцам с помощью чар «наводить дождь» на русское войско.

Наконец, для всего русского общества война с Казанью была продолжением многовековой борьбы русских земель с Золотой ордой.

Сам царь встал во главе войска. Поступая так, он следовал долгу правителя — быть защитником своих подданных («пастырь добрый, еже душу свою полагает за овця»), и долгу защитника православия, готового «свободити род христианский навеки от бесерменства». Готовность царя переносить трудности долгого путешествия и тяготы жизни в военном лагере, несомненно, снискала одобрение современников. В «Истории о великом князе Московском» Курбский хвалил царя, который «подвигся многожды сам, не шадечи здравия сво-

его, на сопротивного и горшаго своего супостата царя казанского... не хотяше покою наслажаться, в прекрасных полатах затворясь пребывать, яко есть нынешним западным царем обычай».

Целью большого похода зимой 1547/48 года, который возглавил сам царь, была, несомненно, столица ханства. С войском везли многочисленный «наряд пушечной», но осуществить задуманное помешала необычно теплая дождливая зима. До Владимира — места сбора войска — пушки довели «великою нужею». Столь же труден был путь до Нижнего Новгорода, однако переправить «наряд» через Волгу по льду, покрытому водой, оказалось невозможно. Поход на Казань все же был продолжен, войска дошли до столицы ханства. Здесь они сразились с татарской ратью, «самого царя в город втопташа», но без артиллерии штурмовать город было невозможно, и, простояв под Казанью семь дней, армия двинулась в обратный путь.

Потерпев неудачу, русское правительство не отказалось от своих целей и твердо вознамерилось добиваться задуманного. Осенью 1549 года началась подготовка к новому походу на Казань. К этому времени в самой Казани произошли важные события. В начале 1549 года хан Сафа-Гирей «убился в своих хоробах» — поскользнувшись, он ударился в «умывальный теремец главою своею» и умер. Ханом стал его двухлетний сын Утемыш-Гирей, от имени которого правила его мать Сююн-Бике. В Москву были отправлены послы с предложением мира. Со смертью Сафа-Гирея возобновилась борьба между отдельными группами знати за власть и за влияние, а следовательно, и за ориентацию внешней политики ханства. Ясно было, что малолетний хан не может управлять ханством в такой критической ситуации. Но из этой бесспорной посылки делались разные выводы. Часть знати искала выход в укреплении связей с Крымом и Стамбулом. В грамоте, которую отправили в Крым «Мамай князь в головах и уланы и молны» (то есть муллы), хана просили, если он хочет, «чтобы тот юрт» от него «не отшел», прислать в Казань находившегося в то время в Стамбуле царевича Девлет-Гирея. Текст ярлыка, одного из немногих сохранившихся казанских документов XVI века, говорит о том, что его составители были проникнуты идеологией «священной войны»: они выражали надежду, что, погибнув в войне с «русскими людьми», непременно попадут в рай. Однако казанские послы попали в руки «казаков» Ивана IV и до Крыма не доехали. Наряду с прокрымской группировкой в Казани были и сторонники московской ориентации. В рассказе архимандрита Новоспасского монастыря Нифонта о походе 1550 года упоминаются казанцы, призывавшие царя прийти с войском под Казань — «и мы против государя своего руки не подождем».

В таких условиях русское правительство не проявляло желания заключить мир с Казанью. Для участия в новом походе было собрано большое войско, в котором, в частности, приняло участие дворян-

ское ополчение городов Новгородско-Псковского края. В феврале 1550 года русские осаждали Казань. Начался артиллерийский обстрел города, царь «туры велел поделати и к городу приступати». В России с тревогой ждали результатов похода. Один из современников записал: «А колико не было вести про государя великого князя, вся земля была в велицей печали и скорби, и глаголаше: един государь был во всей Русской земли, и паки еще не дошед совершеннаго возраста, како такового государя из земли выпустили. И бысть во всех больших и меньших слышати: ох, горе земли нашей». И на этот раз осада Казани продолжалась недолго. Через одиннадцать дней войско двинулось в обратный путь. Официальная летопись объясняет причины ухода тем, что начались «ветры сильные и дожди великие, и мокрота немерная», и пушки и пищали не смогли стрелять. Так оно, вероятно, и было, но подлинные причины неудачи раскрывает неофициальный рассказ архимандрита Нифонта. Поход был предпринят в неудобное время по просьбе сторонников московской ориентации, обещавших не оказывать сопротивления, если сам царь придет под Казань, но их обещания оказались несостоятельными, и царь снял осаду, «видя их (то есть казанцев. — Б.Ф.)... ожесточенных и отчаянных, жадающих смерти, нежели покориться».

Неудачи двух походов показали неосновательность надежд на то, что казанский вопрос может быть решен одним ударом. По-видимому, уже в лагере под Казанью стали обсуждаться другие пути к достижению цели. Решение было найдено при участии сопровождавших царя в походе казанских «князей»-эмигрантов. Уже события зимы 1546/47 года показали непрочность ханской власти на Горной стороне Волги. Неудивительно, что опыт этих событий подсказал русским политикам решение поставить на этой территории крепость, побудить чувашей признать власть Ивана IV и тем самым «тесноту учинити Казаньской земли».

Задуманный план стал осуществляться с весны следующего 1551 года. Дьяк Иван Григорьевич Выродков «срубил» деревянную крепость на верхней Волге, в районе Углича. Деревянные укрепления были разобраны на части, погружены на суда и по Волге доставлены на Круглую гору при впадении в Волгу реки Свияги, в 20 верстах от Казани. Здесь под защитой присланных из Москвы войск была поставлена крепость — Свияжск. В Казани первоначально не придали значения построению Свияжска, «чающе малыи градец ставимый зовомый гуляй» (то есть полагая, что русские возводят не крепость, а подвижное полевое укрепление — гуляй-город). Но настроения здесь переменялись, когда после построения Свияжска Горная черемиса признала русскую власть. Представители «горных людей» побывали в Москве и получили от царя «грамоту жалованную з золотую печатью», очевидно, закреплявшую за «горной черемисой» ее земли и угодья. В знак царской милости Горная сторона была освобождена

на три года от уплаты дани — «ясака». Все лето «горные люди» посещали царя, «человек по пятисот и по штисот», и царь их «кормил и поил у себя за столом», дарил шубы, сукна, дорогие ткани, доспехи, коней. В результате «горные люди» не только все принесли присягу верности, но и начали «на Луговую сторону (то есть на земли «черемисы» к востоку от Волги. — Б.Ф.) ходити воевать и языков добывать». Так без войны значительная часть территории Казанского ханства вошла в состав Русского государства.

В правящей элите Казанского ханства началась борьба между крымской знатью из окружения Сафа-Гирея, которая, очевидно, настаивала на продолжении войны с Россией, и местными казанскими вельможами, которым продолжение войны сулило новые потери земель и доходов. Имели место нападения на «царев двор» — ханский дворец, где находились крымцы. В результате крымцы во главе с главным советником Сююн-Бике, уланом Кошаком (этот «муж зело величав и свиреп» еще недавно руководил обороной Казани от русских войск), бежали из ханства, «жены и дети пометав». Казанская знать обратилась к московскому царю с просьбой о мире.

Иван IV выразил согласие заключить «вечный мир» с Казанью, но условия были очень жесткими: казанцы должны снова принять на царство Шах-Али, передать русским воеводам Сююн-Бике с сыном, освободить всех находящихся в ханстве русских пленных и согласиться с тем, что Горная сторона войдет в состав Русского государства. Позднее в договор было внесено еще одно условие: вместе с Горной стороной к России должна была отойти и половина рыбных угодий на Волге. Переговоры с казанцами царь возложил на Шах-Али и воевод, стоявших с войском в Свияжске. Русские условия мира передал в Казань Алексей Адашев, который в первый раз вступил на арену большой политики. Казанцы пытались добиться уступок, но все усилия оказались тщетными, и они вынуждены были согласиться на условия мира, продиктованные в Москве. Вечером 11 августа в Свияжск привезли Сююн-Бике с малолетним сыном, 15 августа казанцы принесли присягу соблюдать условия мирного договора, 16-го Шах-Али въехал в Казань, а 17-го сопровождавшим нового хана воеводам было передано 2700 русских пленных. Выдача всего полона заняла довольно долгое время. По сведениям, которыми располагали в Москве, только в Свияжске при выходе на Русь получило «государев корм» 60 000 человек. Вместе с Шах-Али в Казани остались для «полону и иных для управных дел» русские представители — боярин Иван Иванович Хабаров и дьяк Иван Выродков. На ханском дворе вместе с пришедшими из Касимова с Шах-Али татарами разместились 200 московских стрельцов. Казанское ханство снова стало вассальным, зависимым от России государством.

Первоначально обе стороны, заключившие между собой соглашение, были настроены на сотрудничество. В сентябре 1551 года

Иван IV «князем Казаньским... многое свое жалование послал, платие и деньги и сукна», а казанцы стали направлять в Москву посольства с разными ходатайствами. Постепенно, однако, положение осложнялось. Одна из причин возникших сложностей была связана с той жесткостью, с которой русское правительство добивалось исполнения условий мирного договора. Подчинившись московскому ставленнику Шах-Али, демонстрируя покорность и ему, и его сюзерену царю, казанская знать рассчитывала, что, оценив все это, царь смягчит условия мирного договора и уступит если не всю Горную сторону, то, по крайней мере, часть «ясака», поступавшего с этой территории в пользу казанской знати. Однако на переговорах эта просьба была резко отклонена («государю Горные стороны х Казани ни одной денги не отдаывати»). Одновременно русские представители в Казани настаивали на возвращении всего захваченного в предшествующие годы русского «полона». К этому добавились расправы Шах-Али над теми из казанских вельмож, кого он считал своими личными противниками, для чего хан использовал пришедших с ним в Казань московских стрельцов.

Неудивительно, что в ноябре 1551 года в Москву пришли сообщения, что часть казанской знати вступила в сношения с Ногайской ордой и ведет речь об отстранении Шах-Али от власти. Эти известия должны были вызвать в Москве тем большее беспокойство, что к этому времени здесь стало известно, что русские успехи в Казани, нарушавшие сложившийся баланс сил, вызвали враждебную реакцию в Крыму и в Стамбуле.

Летом 1551 года Астрахань и Ногайскую орду посетили послы нового крымского хана Девлет-Гирея и султана Сулеймана, призывавшие к объединению всех мусульман для борьбы с Русским государством. Посол султана Ахмед-ага предлагал «хандыкерю (то есть султану. — Б.Ф.), и Крыму, и Астрахани, и Казани и нашим Ногаем соодиначитися и твою землю воевати», писал Ивану IV один из ногайских мурз. Таким образом, положение Шах-Али в Казани оказалось непрочным, и возникла необходимость в новых мерах, которые помогли бы удержать Казань в сфере русского влияния.

В ноябре 1551 года к хану Шах-Али отправился с особой миссией Алексей Адашев. О характере его миссии дает представление запись официальной летописи об обязательствах, которые дал Шах-Али царскому посланцу, скрепив их присягой. Хан обязался «лихих людей побити, а иных казанцов вывести, а пушки и пишали перепорти, и зелие (порох. — Б.Ф.) не оставити». Ясно, что теперь о сколько-нибудь длительном правлении Шах-Али в Казани не могло быть и речи. Весь смысл его дальнейшего пребывания на ханском столе сводился к тому, чтобы тем или иным способом устранить противников Москвы и, лишив город боеприпасов и артиллерии, сделать его неспособным к сопротивлению. Во время переговоров Шах-Али также

настойчиво советовали, «чтоб укрепил город людьми рускими», но на это хан не согласился. Все это ясно указывает на то, что с осени 1551 года в Москве был определенно взят курс на аннексию, включение Казанского ханства в состав России, причем в самое ближайшее время. Русское правительство готово было действовать со всей решительностью. Выбор же Адашева для столь ответственного поручения свидетельствовал о том, что любимец царя к этому времени играл уже важную роль в проведении восточной политики Русского государства и успел зарекомендовать себя как жесткий, далекий от сентиментальности политик, по крайней мере по отношению к «бусурманам». Шаги, предпринятые Стамбулом, заставляли русских политиков топиться.

На этом этапе усилия прилагались к тому, чтобы присоединение Казани совершилось мирным путем. По-видимому, с этой целью были начаты тайные переговоры с казанской знатью. Мы не знаем, что именно обещали тому или иному из казанских вельмож, чтобы склонить его к желательному для Москвы решению. Хорошо известен, однако, итог переговоров. В январе 1552 года к Ивану IV обратились находившиеся в Москве казанские князья с «челобитьем», чтобы царь «свел с Казани» Шах-Али и прислал в Казань своего наместника, «а держал бы их тако же, как и во Свиазском городе». Все доходы, поступавшие ранее хану, должны были поступать теперь в царскую казну. «Как царь Шигалей съедет, — заявляли князья, — и казанцы все государю дадут правду (то есть принесут присягу. — Б.Ф.) и наместников его в город впустят и град весь государю здадут». Челобитье, конечно, было инспирировано самими русскими властями. Очевидно, что после положительного ответа царя Казанское ханство должно было превратиться в одну из областей Русского государства, хотя, возможно, населению ханства, как ранее населению Горной стороны, также могла быть выдана жалованная грамота, предоставлявшая какие-то дополнительные права.

Для обсуждения с Шах-Али вопроса о его уходе с ханского стола в Казань снова отправился Алексей Адашев. В беседе с ханом выяснилось, что некоторые из намеченных ранее мер Шах-Али удалось провести в жизнь («пушки большие и пищали и зелие вывезено»), но не всех противников московской ориентации он успел устранить, «и говорил ему Алексей, чтобы Касын молну (муллу. — Б.Ф.) убили и иных людей, на чем правду дал». Алексей Адашев передал хану наказ царя, «чтобы... пустил князя великого людей в город».

Все эти сообщения позволяют составить представление о русском плане подчинения Казани. Ввод в Казань русских войск еще во время пребывания Шах-Али на ханском троне должен был стать гарантией того, что новое соглашение царя с казанской знатью будет выполнено. Однако осуществить план так, как его наметили, не удалось. Шах-Али снова отказался впустить русские войска в Казань.

Кроме того, он заявил, что в ближайшее время «съедет» из Казани, так как боится, что казанцы его убьют.

6 марта, взяв с собой московских стрельцов, Шах-Али выехал из Казани в Свияжск. Началась процедура передачи власти наместнику Ивана IV. К наместнику, князю Семену Ивановичу Микулинскому, находившемуся в Свияжске, прибыли из Казани «многие моллы и князи... и правду боярам дали на всей воли великого князя». Затем наместник направился в Казань, куда уже были посланы дети боярские «очищать» дворы для размещения его свиты.

Однако в последний момент перед самым въездом наместника в Казань положение резко изменилось. Если казанскую знать с помощью различных средств (очевидно, обещаниями разных пожалований) удалось убедить согласиться на включение ханства в состав Русского государства, то иначе обстояло дело с более широкими кругами населения, которым установление новой власти не сулило никаких перемен к лучшему.

Известно, что уже при решении вопроса о выезде Сююн-Бике с сыном в Москву в Казани начались волнения, которые умирjala местная знать, «бьюше их шелягами и батоги и дрекольем, разгоня их по домом». Затем толпы народа провожали судно, на котором ехали Сююн-Бике с сыном, «по обема сторонам Казани реки». По мере того как существование ханства как особого государства становилось все более призрачным, напряжение должно было нарастать. Шах-Али отказывался впускать в город русские войска вовсе не из симпатий к казанцам. Он, очевидно, понимал, что попытка осуществления такой акции привела бы к взрыву, который мог легко закончиться убийством самого хана.

Казанская знать старалась контролировать положение, но ее виднейшие представители выехали на встречу с московским наместником. В этих условиях оказалось достаточно слуха (исходившего якобы от касимовских татар из свиты Шах-Али), что после въезда наместника начнется избиение жителей города, чтобы население Казани закрыло ворота перед представителем московской власти. Первоначально казанские вельможи не придали случившемуся большого значения («взмутили, деи, землю лихие люди, пождите, деи, доколе се уговорят»), но затем были вынуждены признать свое бессилие («боятца, де, люди побою, а нас не слушают»). 12 марта наместник вернулся в Свияжск. Находившиеся в Казани дети боярские были перебиты. Казанцы напали на русские «сторожи» на границе с ханством и на русские суда, плывшие по Волге. В Казань с отрядом ногайцев прибыл астраханский царевич Ядигер, которого и провозгласили ханом. Мирное подчинение Казани не удалось. В Москве остро переживали неудачу своего плана. Митрополит Макарий строго предписал находившемуся в Свияжске войску покаяться в грехах и молиться, ибо дурное поведение воинов, их насилия над

выходившими из Казани пленными навлекли на них и на страну Божий гнев.

В апреле 1552 года в Москве было принято решение об организации нового похода на Казань.

В поход должно было выступить большое войско, и на этот раз включавшее в себя помещиков из городов русского Северо-Запада. На судах по Волге в Свияжск направлялись запасы и артиллерия. Успех похода в немалой мере зависел от того, удастся ли Казанскому ханству получить помощь от какого-либо другого мусульманского «юрта». В Казани ожидали поддержки со стороны Ногайской орды, которая в свое время активно поддерживала Сафа-Гирея, но Ногайская орда на этот раз не решилась вмешаться в конфликт. В отличие от ногайских мурз крымский хан Девлет-Гирей не намерен был оставлять Казань на произвол судьбы. Его вмешательство могло иметь большое значение. Если бы нападение Крымской орды произошло после ухода главных русских сил под Казань, русское правительство, скорее всего, было бы вынуждено снять осаду, чтобы спасти от разорения собственные земли. Однако Девлет-Гирей выбрал неудачный момент для нападения на Русь. Правда, он собрал для похода довольно большое войско; в походе участвовали присланные султаном отряды янычар и артиллерия, но, когда в конце июня 1552 года его войска подступили к Туле, значительная часть русской армии еще оставалась на месте и была сразу направлена против татар. Штурм Тулы закончился неудачей, а вскоре к Туле подошли большие отряды русских войск. Орда стала уходить в степь, бросив под городом «наряд пушечный». К 1 июня стало ясно, что хан Девлет-Гирей ушел в Крым «невозвратным путем», и главные силы русской армии во главе с самим Иваном IV двинулись к Казани.

23 августа началась осада города, продолжавшаяся до начала октября. В царской ставке не исключали, что, может быть, теперь, под давлением собравшегося войска, казанцы примут выработанное в начале 1552 года соглашение, но все попытки склонить их к этому оказались безрезультатными. Осада была долгой и трудной. Казанцы сопротивлялись с мужеством отчаяния (по выражению летописи, «они на смерть в городе затворилися»). Часть их войск осталась за стенами крепости и постоянно нападала на русский лагерь из окружающих лесов. Эти нападения сопровождалась вылазками из города. В течение трех недель под Казанью шли столь тяжелые бои, что, по словам участника осады, князя Андрея Курбского, не всегда оставалось время для приема пищи.

Один эпизод осады привлекает к себе особое внимание, поскольку проливает свет на некоторые черты характера молодого царя. После одного из сражений Иван IV приказал привести захваченных пленников к стенам крепости и «привезати их к колю». После этого царь велел дать знать в Казань, что, если город не будет сдан, всех

пленных ждет смерть. Тогда, по свидетельству Курбского, со стен Казани в несчастных стали пускать стрелы, говоря: «Лутче... увидим вас мертвых от рук наших бусурманских нежели бы посекли вас кгауры («гяуры», то есть неверные, не-мусульмане. — Б.Ф.) необрезанные». Царь приказал перебить всех пленных.

Положение русского войска под Казанью улучшилось, когда русской рати во главе с князем Александром Борисовичем Горбатым удалось нанести поражение тем войскам, которые нападали на осаждавших извне. Это дало возможность вплотную заняться осадой города, который постоянно обстреливала русская артиллерия. 30 сентября начался тяжелый, многочасовой штурм. Русские войска во главе с князем Михаилом Ивановичем Воротынским и Алексеем Даниловичем Басмановым заняли часть городских стен и вынуждены были остановиться. Рядом с занятыми стенами казанцы поставили «срубы», заполненные землей.

Перелом наступил 2 октября, когда находившийся в царском лагере иноземный мастер Размысл взорвал порох в подкопах, сделанных в двух местах под городскими стенами. После взрывов начался общий штурм города, продолжавшийся несколько часов. О том, что произошло после того, как русские войска, наконец, ворвались в Казань, достаточное представление дает краткая запись в Разрядных книгах: «Государевые ратные люди во град Казань овы в полые места влезоша, инии же по лесницам и по прислонам, во граде биюще татар по улицам, мужей и жон по дворам, а иных из ям выволачиваючи и из мизгитей (мечетей. — Б.Ф.) их и из полат, и секуше их без милости и одираху до последняя ноготы». Впрочем, таково было обычное поведение войска во взятом штурмом городе в эпоху Средневековья.

В тот же день, после того как одну из улиц города удалось очистить от трупов, Иван IV въехал в Казань и остановился в ханском дворце. В следующие дни началась закладка в городе христианских храмов. Царь и сопровождавшее его духовенство «з животворящими кресты и со святыми иконами» обошли городские стены, освящая город, вырванный христианской ратью из рук мусульман. Казанское ханство формально не прекратило своего существования, но теперь казанским ханом считался сам русский царь. В Казань прибыли с челобитьями представители подчинявшихся ранее казанским ханам народов, и царь их «пожаловал», разрешил уплачивать «ясак» в установленном традицией размере, как было при хане Мухаммед-Эмине.

Особого рассмотрения заслуживает вопрос о поведении царя во время штурма, так как данные источников на этот счет заметно расходятся между собой. Согласно версии официальной летописи, царь пребывал на службе в походной церкви, когда при чтении слов Евангелия «да будет едино стадо и един пастырь» взорвался первый подкоп, а за ним вскоре и второй. Начался штурм города, о чем тут же известили царя, но он продолжал молиться, ответив: «аще до конца пе-

ния дождем да съвършеную милость от Христа получим». Когда царь сел на коня и выехал к войску, «знамена христианские» были уже на «стенах градных». Ту же версию мы находим и в ряде литературных текстов, вышедших из духовной среды: «Степенной книге», составленной при участии царского духовника Андрея (будущего митрополита Афанасия) в Чудовом монастыре, в повестях о взятии Казани троцкого старца Адриана Ангелова.

Совсем иначе описываются события в тексте «Разрядных книг» (сборника записей о военных назначениях, использовавшегося при разборе местнических споров), источника светского по своему происхождению и делового по своему характеру. Здесь также подробно говорится о совершении литургии и молитвах царя перед образами святых, в особенности Сергия Радонежского, но происходило все это еще до начала штурма. Лишь после того, как царь прибыл к войску, последовал приказ «отволочити от города Казани наряд стенобитной», а уж затем были взорваны подкопы. Ту же версию мы находим и в особом летописном рассказе о походе, близком, но не тождественном рассказу Разрядных книг. Здесь также говорится, что сначала царь «въезде на гору и ста полком» и лишь потом отдал приказ о взрыве подкопов.

Вторая версия, восходящая к документальным источникам (при составлении Разрядных книг использовались документы Разрядного приказа — русского военного ведомства XVI—XVII веков), заслуживает большего доверия, тем более что она получает неожиданное подтверждение в народной песне о взятии Казани. В этой песне поется о том, как царь разгневался на пушкарей, заложивших порох в подкоп: свеча, за которой снаружи следил царь, уже вся сгорела, а взрыва все не было: ведь свеча в подкопе горела медленнее, чем на ветру. Таким образом, и согласно песне, царь явно ожидал взрыва уже вместе с войском. Рассказ официальной летописи следует рассматривать как своеобразную легенду, автор которой хотел внушить читателю мысль о том, что сама победа русского воинства под Казанью была достигнута благодаря благочестию государя. Не случайно составитель «Степенной книги», излагая этот сюжет, прямо сравнивал царя с библейским Моисеем. Как Моисей во время битвы Израиля с амалекитянами не переставал творить молитву, пока войско врага не было уничтожено, «так и сей новый Моисей во время брани на поганых татар никакже не уклонился церкви, ни от слезные молитвы преста, дондеже совершися божественная литургия». Сочинявшие эту благочестивую легенду древнерусские книжники не могли предвидеть, что много лет спустя, опираясь на их текст, некоторые исследователи будут говорить о трусости, якобы проявленной царем во время штурма Казани.

8 ноября 1552 года в Грановитой палате Кремля царь торжественно отпраздновал победу. Вместе с ним ликовала вся страна. Победа

стала результатом усилий всего общества, объединившегося вокруг решения задачи, которая в сознании этого общества была самой важной из всех задач, стоявших перед Русским государством. На время даже прекратились споры между представителями правящей элиты. В подробном рассказе Разрядных книг о походе на Казань в 1552 году отсутствуют какие-либо упоминания о местнических спорах, хотя для похода была собрана огромная армия и воеводских постов в ней было гораздо больше, чем обычно.

Казанская победа означала перелом в истории отношений России с ее южными и восточными соседями. Теперь Россия уже не только защищалась от нападений с их стороны, но и сама перешла в наступление, а одно из недавно угрожавших ей «царств» — наследников Золотой орды, вошло в состав Русского государства. Победа воспринималась как реванш, как ответ на многовековое татарское иго. Отблеск победы закономерно падал на того, кто стоял во главе государства и возглавлял в Казанской войне русские войска. Prestиж Ивана IV в глазах русского общества, несомненно, должен был сильно возрасти. Означало ли это и реальный рост его власти, привело ли к переменам в его отношениях с правящей элитой? Ответ на эти вопросы будет предложен в последующих главах книги.

Во всех довольно многочисленных свидетельствах о «времени боярского правления» главной характерной чертой времени выступает небывалый рост злоупотреблений со стороны лиц, в руках которых находилась судебно-административная власть над населением.

Традиционная система управления в Русском государстве конца XV — первой половины XVI века состояла в том, что великий князь в качестве вознаграждения за службу давал боярам и детям боярским — членам своего «двора», в «кормление» те или иные города или волости. При этом, как правило, сын боярский или боярин получал кормление совсем не в той местности, где находились его земельные владения, и никак не был связан с местным населением. Кормленщик осуществлял судебно-административную власть над населением города или волости; население предоставляло ему и его «людям» двор, давало «корм» на его содержание; те, чьи дела рассматривались в его суде, выплачивали в его пользу судебные пошлины.

В годы «боярского правления» кормленщики и волостели стали всячески увеличивать поборы с населения в свою пользу. Создавшуюся ситуацию необыкновенно ярко характеризуют неизвестные нам авторы псковских летописей, описывая наместничество во Пскове князя Андрея Михайловича Шуйского. Один из летописцев без обиняков пишет, что «князь Андрей Михайлович Шуйский... был злодей, в Пскове мастеровые люди (ремесленники. — Б.Ф.) все делали на него даром, а болшии люди (богатые горожане, купцы. — Б.Ф.) подаваша ему з дары». Главным злом были, однако, даже не эти поборы, а злоупотребления судебной властью. Именно к этим годам от-

носится появление особого чина исповедания грешного вельможи, который должен был каяться в том, что судил «по мзде и по посулам» (то есть за взятки), «неповинных на казнь и смерть выдавах», «богатство насильством и кривым судом и неправдою стяжах и приобретениях». Покровительством наместников пользовались «поклепцы», люди, которые по их наущению возбуждали дела против богатых людей, а это давало возможность налагать на обвиненных штрафы, «правя на людех ово сто рублей, ово двести». Одним из излюбленных приемов для выколачивания денег, по свидетельству современников, служило подбрасывание краденых вещей в дома богатых людей, которых потом можно было карать за воровство. Еще более эффективных результатов можно было достичь, подбросив на территорию улицы или волости труп неизвестного человека. Будучи не в состоянии найти и представить в суд убийцу, улица или волость должны были коллективно выплачивать высокий штраф за убийство. Как замечает один из летописцев, жители некоторых пригородов боялись ездить во Псков, чтоб там не встретиться с людьми наместника, «а игумены честные из монастырей избегоша в Новгород». Как бы обобщая все происходящее, летописец записал: «Быша наместники во Пскове сверепи, аки ллове, и люди его, аки зверии дивии до крестьян (христиан. — Б. Ф.)». С разными вариациями подобное происходило во всей стране.

Этот рост злоупотреблений не был чем-то случайным. Управление с помощью раздачи «кормлений» в России к этому времени существовало достаточно давно и не порождало каких-либо серьезных конфликтов. Ряд мер способствовал предотвращению злоупотреблений. «Кормления» давались на сравнительно короткий, точно определенный срок, в так называемых «доходных списках» обозначался размер «кормов», которые разрешалось взимать с населения, а, главное, по окончании срока кормления население имело право жаловаться на кормленщика великому князю, и совершившего злоупотребления вельможу правитель принуждал к возмещению убытков. Во время малолетства государя власть оказывалась в руках то одного, то другого из соперничающих боярских кланов, раздававших кормления своим приверженцам, и эти меры переставали действовать. Наместники и волостели теперь могли не опасаться, что их привлекут к ответственности; это и вызывало такой широкий размах злоупотреблений.

Высказывания псковских летописцев, тесно связанных с посадской средой, могут создать впечатление, что от этих злоупотреблений страдали прежде всего крестьяне и «посадские люди» — горожане. Такой вывод был бы неправильным. В летописном рассказе о первых реформах нового правительства читаем, что в предшествующие годы «детем боярским чинилися силы и продажи (то есть насилие и несправедливые судебные штрафы. — Б.Ф.) и обиды великие в землях и

в холопах», то есть злоупотребления «кормленщиков» ложились тяжким бременем и на дворянство.

Следует обратить внимание на одну особенность приведенных выше летописных свидетельств — в них сквозит острое возмущение действиями несправедливых носителей власти, возмущение, которое находило свое выражение, в частности в адресованных власти требованиях реформы традиционного управления.

Характер этих требований во многом объяснялся тем, что конец XV — первая половина XVI века в истории России — это важный этап на пути формирования «сословий» — тех основных социальных общностей, на которые разделялось общество эпохи развитого Средневековья. Хорошо известно, что «сословия» объединяли общности людей, отличавшихся друг от друга по роду занятий, по объему присущих только им прав и обязанностей, которые передавались по наследству. Однако эти особенности были присущи и отдельным группам людей, на которые делилось русское Средневековое общество в предшествующие столетия. Эти общности более раннего времени отличались от сословий развитого Средневековья тем, что каждый социальный слой распадался на большое количество групп, заметно отличавшихся друг от друга по своему положению в обществе.

Если говорить о воинах-землевладельцах, из которых со временем сформировалось дворянское сословие, то в XIV—XV веках они служили многим государям (нередко даже одна сравнительно небольшая территория в Ростовском или Ярославском крае была поделена между несколькими князьями). Были большие различия в положении тех «детей боярских», которые получали землю в условное владение, и тех, кто был обладателем наследственной родовой собственности. Владельцы полученных во временное пользование земель (с конца XV века такие владения стали называться «поместьями», а их владельцы — «помещиками») не могли распоряжаться ими по своему усмотрению и передавать их по наследству, за «запустение» поместья им грозили опала и немилость. Помещики должны были являться на службу или на военный смотр по первому требованию и допущенная при этом небрежность могла привести к потере «поместья». Те, у кого была своя родовая, полученная от предков собственность («вотчина»), могли не только свободно распоряжаться ею (передавать по наследству, давать в качестве вклада в монастырь), но и свободно выбирать, кому именно они желали служить — государю, боярину или епископу, а некоторые из них и вовсе никому не служили, лишь являлись на войну, когда стране угрожало нападение и обвьявлялась мобилизация всех военных сил.

Ту же пестроту, может быть, не столь сильно выраженную, можно проследить и наблюдая за судьбами городского населения. Средневековые города также неоднократно делились на части («дельницы») между князьями, многие торговцы и ремесленники были заняты в

личном хозяйстве этих государей и в состав городской общины не входили, значительная часть горожан жила на земле, принадлежавшей боярам, епископским кафедрам, монастырям. Положение каждого из таких поселений — «слобод» — отличалось от положения другого, а его жители были гораздо теснее связаны со своим землевладельцем, чем с другими группами горожан. В таких условиях любой социальной группе, даже ограниченной рамками одной сравнительно небольшой территории уезда или города, было трудно прийти к осознанию общности своих интересов.

К середине XVI века положение изменилось во многом благодаря политике объединения отдельных княжеств и территорий в единое целое — Русское государство, политике, которая последовательно проводилась великими князьями Московскими во второй половине XV— первой трети XVI века. Теперь дети боярские в подавляющем большинстве становились вассалами великого князя, сидевшего в Москве. Стараясь увеличить свои военные силы и поощрять бояр и детей боярских лучше нести службу, великие князья широко практиковали раздачу государственных земель в условное держание. В результате к середине XVI века многие бояре и дети боярские стали владельцами и вотчин, и поместий. Постепенно распространялось представление, что вотчинники со своих земель также должны нести военную службу по приказу великого князя.

Посадское население городов — торговцы и ремесленники — к середине XVI века также имели над собой одного государя — великого князя Московского (очень немногочисленные частновладельческие города сохранялись лишь на окраинах страны). При этом торговцы и ремесленники, занятые в личном хозяйстве прежних государей, были включены в состав соответствующих городских общин, так как великие князья Московские больше не нуждались в их услугах. Со второй половины XV века великие князья Московские стали заниматься «посадским строением», конечной целью которого была ликвидация всех частновладельческих слобод на территории городов. Изданный в правление Ивана III «указ слободам», по-видимому, как-то ограничивавший их расширение, упоминается в текстах середины XVI века. Уже в 80-е годы XV века (например, на Белоозере) целый ряд таких слобод был изъят из-под власти монастырей и бояр и «приписан» к городской посадской общине. Как важная часть средневекового города такие слободы сохранялись и позднее, но их удельный вес резко упал, и к середине XVI века они оказались под угрозой ликвидации.

Одним из важных объективных результатов такой политики стало появление сословий. Общие черты в положении представителей этих сословий способствовали осознанию ими общих интересов, появлению заинтересованности в защите этих интересов, пока на локальном уровне, в рамках уезда и города. Эта борьба за общие инте-

ресы нашла определенное выражение уже в конце 30-х годов XVI века в требованиях дворян, горожан и крестьян отдельных уездов передать расследование дел о разбоях и наказание разбойников (а такие наказания, как правило, сопровождалась конфискацией имущества виновников) из рук наместников и волостелей в руки губных старост — выборных представителей уездных дворян (так называемого дворянского «города»), городских посадских общин и крестьянских волостей (там, где не было дворянского землевладения). Боровшиеся за власть боярские кланы нуждались в поддержке населения и оказались вынуждены пойти на уступки. Псковский летописец с удовлетворением отметил, что «бысть крестьяном радость и лгота велика от лихих людей и от поклепец и от наместников», когда «начаша псковские целовальники и соцкие судити лихих людей на княжи дворе, в судницы». Однако речь шла не о какой-либо продуманной политике, а о уступках, которые по миновании необходимости могли быть взяты назад. Как отметил другой псковский летописец, после получения Псковом грамоты, передававшей расследование дел о разбойниках в руки псковского посада, «бысть тишина, но не на много, и паки (снова. — *Б.Ф.*) наместницы премогаша».

Однако злоупотребления наместников и волостелей со временем стали наталкиваться на все более сильный отпор со стороны сословных организаций местного населения. Составляя позднее рассказ для официальной летописи об отмене кормлений, Алексей Адашев объяснял этот шаг тем, что «грады и волости пусты учиниша наместницы и волостели», а в ответ «тех градов и волостей мужичья многие коварства содеяша и убийства их людем». Таким образом, в стране фактически началась своеобразная «малая война» между населением и представителями государственной власти на местах. После восстания в Москве, в котором так ярко проявилась ненависть населения к носителям власти, необходимость осуществления реформ стала совершенно очевидной.

Впрочем, более дальновидные политики пришли к выводу о необходимости реформ еще до того, как разразилось восстание 1547 года. К числу таких политиков принадлежал глава русской церкви митрополит Макарий. Именно его инициативе исследователи приписывают первый важный шаг, предпринятый для того, чтобы вывести страну из кризиса, — венчание Ивана IV на царство 16 января 1547 года. О роли царского венчания в развитии русской государственно-политической идеологии речь пойдет специально в другой главе этой книги. Однако с этим событием связывались, по крайней мере со стороны митрополита, и расчеты на изменение сложившегося в стране политического положения. Святитель надеялся, что принятие нового титула повысит престиж монарха, пробудит в нем интерес к его государственным обязанностям, будет способствовать возвращению ему традиционной роли верховного арбитра, гаранта

справедливого и беспристрастного суда. Эти надежды получили отражение в тексте написанного митрополитом чина венчания, важной частью которого стало обращенное к царю поучение Макария. В нем глава церкви призывал молодого монарха: «Блюди правду и милость и суд правый», «за обидящих же стой царьски и мужески и не давай обидети не по суду и не по правде». Принятию решения о венчании монарха предшествовали совещания митрополита с боярами, в которых участвовали «по митрополиче по них присылке» и те бояре, «которые в опале были» и потому не участвовали в обычных заседаниях Боярской думы. Действуя так, митрополит стремился добиться прекращения соперничества между боярскими кланами и консолидации правящей элиты, что было необходимым условием успешного проведения реформ.

Предпринятые по инициативе митрополита шаги не привели тогда к тем последствиям, на которые он рассчитывал, и реально проведение реформ в стране началось с созыва так называемого «собора примирения» 27 февраля 1549 года. На созванном в царских палатах заседании Боярской думы и собора духовенства во главе с митрополитом Макарием царь, констатируя, что «до его царьского возраста» детям боярским со стороны знати «чинилися силы и продажи и обиды великие в землях и в холопех», потребовал, чтобы знатные люди прекратили подобные действия, угрожая в противном случае опалой и наказанием. Вместе с тем царь обещал, что не будет по своей инициативе наказывать бояр за действия, совершенные в прошлом, если они в дальнейшем будут верно ему служить. Одновременно было установлено, что обиженные дети боярские могут обращаться со своими жалобами к государю, и его суд эти жалобы рассмотрит. 29 февраля по решению, принятому тем же собором, «во все города детям боярским» были посланы грамоты об их освобождении от суда наместников. Тогда же было принято решение о подготовке нового свода законов — «Судебника». Таким образом, уже первый шаг в проведении реформ показал, что главной своей задачей государственная власть считает установление в стране законности и порядка и что меры, ведущие к этой цели, будут осуществляться с учетом требований, которые в предшествующие годы выдвигали формирующиеся сословия.

С февраля 1549 года в стране стали проводиться многочисленные реформы, во многом изменившие и традиционный облик государственных институтов, и характер отношений этих институтов с формирующимися сословиями.

В настоящее время благодаря усилиям многих исследователей собран большой материал, позволяющий составить представление и об отдельных реформах, и о тех переменах, которые они внесли в жизнь русского государства и общества, но остается много неясного в определении характера и направленности этих реформ. Неясно также, с

деятельностью каких политических кругов следует связывать их проведение, имена каких государственных деятелей должны быть названы как имена творцов этих реформ.

Обычно чаще всего в этой связи называют имена Сильвестра и Алексея Адашева. Им действительно принадлежала важная роль в проведении реформ. Судя по всему, именно они убедили царя в том, что реформы необходимы, а без этого важного условия весьма трудно было бы рассчитывать на их осуществление. Однако у нас нет никаких оснований полагать, что от них исходил и сам план реформ и что они сыграли главную роль в его осуществлении: ни простой священник Сильвестр, ни костромской сын боярский Алексей Адашев не обладали, кроме всего прочего, необходимым для этого влиянием и авторитетом.

Гораздо больше оснований видеть главного инициатора реформ в митрополите Макарии, однако ряд фактов явно противоречит такому заключению. Целый ряд мер, предпринятых правительством в 50-х годах XVI века, был явно направлен против податных привилегий церкви и церковного землевладения и вызвал острую враждебную реакцию митрополита. Таким образом, мы не имеем возможности указать какого-либо конкретного политического деятеля, которого можно было бы считать «творцом» реформ 50-х годов.

Стоит, однако, отметить, что начало реформ сопровождалось резким увеличением размеров главного органа управления государством — Боярской думы. Если ко времени московского восстания 1547 года в Думе заседали всего 15 бояр и 3 окольничих, то к концу 1549 — началу 1550 года в Думе насчитывалось уже 32 боярина и 9 окольничих. Очевидно, что проведению реформ предшествовала консолидация правящей элиты; представители ранее враждовавших между собой боярских кланов вошли в состав главного органа государственного управления для проведения политики, которую есть основания считать плодом коллективных усилий всей правящей элиты Русского государства.

Разбирая известия о первом шаге по пути реформ — так называемом «соборе примирения», мы уже имели возможность отметить, что преобразования начались с реформы системы управления, идущей навстречу требованиям дворянства. В последующие годы эта политика получила свое продолжение. Практика передачи расследования дел о разбоях и наказаниях разбойников в руки выборных представителей уездной дворянской организации — «города», начавшаяся уже в годы боярского правления, получила в 50-е годы XVI века повсеместное распространение. При этом круг их обязанностей заметно расширился, явно выйдя за рамки полицейских функций. Примером может служить приговор Боярской думы от 22 августа 1556 года, возлагавший на губных старост обязанность «беречи накрепко, чтоб у них пустых мест и насилства христианом от силных

людей не было». Те обязанности, которые ранее ложились на плечи государственных чиновников, постепенно переходили в руки выборных представителей местного дворянского «общества».

Государственная власть нашла нужным пойти навстречу и тем требованиям реформы управления, которые раздавались со стороны посадского населения и черносошных (государственных) крестьян. С начала 50-х годов государство приступило к проведению так называемой «земской реформы», осуществление которой на основной территории страны было завершено в 1555—1556 годах. Старая система управления с помощью наместников и волостелей была ликвидирована. Суд и управление населением перешли в руки земских старост — выборных представителей посадских городских общин и деревенских волостей. И здесь, таким образом, ряд важных функций, выполнявшихся до этого представителями государственной власти, перешел в руки сословных органов самоуправления.

Этим переменам сопутствовали другие важные изменения, касающиеся взаимоотношений государства и формирующегося городского сословия — посадских людей. Именно в середине XVI века получило законодательное закрепление такое важнейшее сословное право посадских людей, как монополия на занятие торговлей и ремеслом на территории города. Владения частных собственников на территории города сохранялись, но в них не могли жить торговцы и ремесленники. 91-я статья принятого в 1550 году «Судебника» устанавливала: «А торговым людям городским в монастырях не жити, а жити им в городских дворах, а которые торговые люди учнут жити на монастырех и тех с монастырей сводити». Хотя это установление и не удалось полностью осуществить на практике, его принятие стало важным шагом по пути формирования городского сословия. Существенно при этом, что за посадскими людьми признавалось право активно отстаивать монополию посадской городской общины на занятие торговлей и ремеслом. В описании города Серпухова 1552 года перечень монастырских дворов на территории города сопровождается следующим комментарием: «А которые городские люди торговые и мастерские учнут в тех дворах жити и серпуховскому сотцкому и всем городским людям тех людей ис тех дворов вывозити да сажати в свои старые дворы».

Существенные перемены произошли в середине XVI века в положении еще одного сословия русского средневекового общества — духовенства. Формирование этого сословия началось значительно раньше, чем формирование других сословий. Уже в домонгольской Руси сложилось довольно четкое представление, что «церковные люди» составляют особую общность, живущую по своему особому праву, подчиненную управлению и суду митрополита и епископов. Однако и к середине XVI века реального объединения всего духовенства в одно единое сословие не произошло. Еще и в это время значи-

тельная часть приходского духовенства и братия многих монастырей не подчинялись суду митрополита и епископов и не уплачивали налогов в их казну, будучи освобождены от этих обязанностей так называемыми «несудимыми грамотами» их светского сюзерена — великого князя (а затем царя). Решения созванного в начале 1551 года так называемого «Стоглавого собора» русского духовенства (в его работе активно участвовал и царь со своим окружением) положили конец подобной практике, а позднее епископы получили от царя грамоты, в которых подтверждалось их право суда над всем духовенством на территории их епархий. Хотя и это решение не было полностью реализовано на практике, само его принятие было важным шагом по пути освобождения духовенства от опеки государственной власти и его объединения в единую общность — сословие во главе с собственным руководством — духовной иерархией.

Одновременно решения Стоглава способствовали созданию и среди лиц духовного сословия институтов самоуправления. Правда, выборные представители приходского духовенства, так называемые «поповские старосты», существовали и до созыва собора, но теперь этот институт стал повсеместным и занял важное место во внутренней жизни духовного сословия и его взаимоотношениях с церковной иерархией. Не чиновники, назначавшиеся великим князем или епископом, а лица, выбранные самими священниками из собственной среды, наблюдали теперь за образом жизни духовенства и за тем, насколько правильно исполняются церковные обряды. Именно они должны были собирать налоги, уплачивавшиеся священниками в казну митрополита или епископа, принимать участие в работе суда вместе с судьями, которых назначали епископы, получив при этом право обжаловать их неправильные решения.

Все сказанное позволяет достаточно определенно судить о значении реформ 50-х годов XVI века в истории русского общества и государства. Если до этого времени Русское государство было патримониальной (вотчинной) монархией, при которой государство рассматривалось как родовая собственность (вотчина) государя, а власть находилась в руках тех лиц, которым передавал ее государь, то в 50-е годы XVI века был сделан важный шаг на пути к созданию в России сословного общества и сословной монархии. В таком обществе сословия представляли собой большие общности людей, не просто отличавшиеся друг от друга родом занятий и социальным положением, но обладавшие своей внутренней организацией и своими органами самоуправления. В их руки постепенно переходила значительная часть функций органов государственной власти на местах.

Таковыми сословиями монархия уже не могла управлять так, как она управляла многочисленными социальными группами, на которые делилось общество до образования сословий. Она уже не могла

им диктовать, а должна была с ними договариваться. Отсюда появление такого важного нового компонента политического строя, как собрания (носившие в разных странах названия парламента, генеральных штатов, сейма), на которых монарх должен был договариваться с выборными представителями сословий о решении различных вопросов. В 50-х годах XVI века были заложены определенные предпосылки для развития России по этому пути.

Достаточно широко распространено представление, согласно которому охарактеризованные выше реформы были направлены против знати и привели к серьезному ослаблению ее позиций. Ход рассуждений, который ведет к такому выводу, достаточно очевиден. В Русском государстве XVI века лишь знатность происхождения открывала путь к высоким государственным должностям. Поэтому уменьшение прав и объема власти, связанного с этими должностями, можно было бы рассматривать как показатель уменьшения силы и значения знати. Однако дело обстоит не так просто, и на вопрос о том, как реформы 50-х годов XVI века отразились на положении правящей элиты, нельзя дать однозначный ответ.

Итоги «боярского правления» оказались для знати попросту плачевными. Получив в свои руки на время всю полноту власти в государстве, боярство не сумело выработать какую-то согласованную программу действий. Оно было ослаблено соперничеством между отдельными боярскими кланами, а злоупотребления наместников и волостелей, как уже отмечалось, привели к тому, что деятельность знати стала вызывать недовольство не только горожан и крестьян, но и широких кругов дворянства.

В 50-е годы XVI века положение во многом изменилось к лучшему. Правящая элита сумела преодолеть конфликты между кланами и выработать согласованную программу действий. С устранением злоупотреблений наместников и волостелей (а затем и самих этих должностей) был устранен один из главных источников противоречий между знатью и стоявшими ниже на социальной лестнице слоями дворянского сословия. Соответственно и влияние знати на широкие круги детей боярских должно было усиливаться.

Формирующееся дворянское сословие в России XVI века, да и позже, имело сложную иерархическую структуру. На самом верху находилась группа княжеских и боярских родов. Лишь лица, принадлежавшие к этим родам, могли рассчитывать на занятие наиболее высоких государственных должностей. Из этой среды выходили и члены высшего государственного органа — совета при правителе — Боярской думы. Монополию знатных родов на власть сохраняла практика так называемого местничества. Государь мог назначить на высокую государственную должность любого из своих приближенных, но в случае, если его происхождение не соответствовало важному характеру должности, воеводы или наместники, которым предстояло слу-

жить с этим человеком, отказались бы от исполнения своих обязанностей. В среде знати существовала своя иерархия знатности; между отдельными лицами, семьями, родами постоянно вспыхивали столкновения из-за места на иерархической лестнице, но общая заинтересованность в сохранении коллективной монополии на власть способствовала сплочению этой группы.

Ниже этого слоя знати стояли дети боярские, входившие в состав «государева двора». Двор представлял собой своеобразное отборное войско, окружавшее монарха. По указу 1551 года тысяча «лучших» детей боярских из состава двора получила поместья в Московском и других близких к Москве уездах, чтобы, постоянно находясь близко от столицы, «они были готовы в посылки». Дети боярские, входившие в состав двора, получали назначения на более низкие военные и административные должности. В соответствии с этим до отмены кормлений лишь им наряду со знатью принадлежало право получать кормления и пользоваться доходами с них. В этой среде также существовала своеобразная иерархия знатности, хотя и выраженная менее ясно, чем в среде знати.

Наконец, на самой низкой ступени сословной лестницы стояли обычные дети боярские, которые несли службу в рядах своей уездной дворянской корпорации — «города», и получали время от времени денежное жалованье за свою службу.

Несмотря на сложную иерархическую структуру, можно говорить о единстве всего формирующегося дворянского сословия, которое проявлялось в том, что каждый сын боярский независимо от положения на социальной лестнице принадлежал к определенной уездной корпорации — «городу». В фрагментах списков членов двора 40-х годов XVI века даже представители наиболее знатных родов, начинавшие службу «стольниками» в непосредственном окружении монарха, связаны с определенными «городами»; все дети боярские, входившие в состав государева двора, обозначаются в текстах 50-х — начала 60-х годов как «выбор из городов», то есть как лица, «выбранные» из состава своих уездных объединений для службы в составе государева двора.

Таким образом, знать и стоящие ниже ее слои дворянского сословия объединяли тесные связи, которые, как представляется, стали в полной мере действовать именно после того, как реформы 50-х годов XVI века устранили главный источник разногласий между ними.

Поэтому, оценивая влияние реформ 50-х годов XVI века на положение знати, можно было бы сказать, что в итоге этих реформ вельможи как лица, представлявшие власть государства, утратили часть прав и влияния, но приобрели новый вес и значение как верхушка формирующегося дворянского сословия. С ростом роли и значения дворянских объединений в жизни страны знать, опираясь на их под-

держку, могла занимать по отношению к своему монарху гораздо более самостоятельную позицию, чем раньше.

Рассмотренные выше преобразования составляли лишь одну, хотя и весьма важную сторону реформ 50-х годов. Наряду с ними произошли серьезные перемены иного характера. В ряде европейских стран формирование сословий и возникновение органов сословного самоуправления сопровождались уменьшением, а то и фиксацией в определенном размере основных государственных налогов. В России же 50-х годов XVI века реформы, наоборот, сопровождались значительным ростом государственных налогов. Уже под 1547 годом летописец отметил: «Царь и великий князь велел дань имати с сохи 12 рублей, и оттого крестьяном тягота была великая». Если в первой половине XVI века денежные поступления в казну в пользу государства были сравнительно невелики и на крестьянах лежали, главным образом, разного рода отработочные повинности (наиболее тяжелой из них была поставка лошадей для ямской гоньбы), то теперь натуральные повинности были заменены денежными платежами и общий размер денежной дани в пользу государства увеличился в 4,5 раза. Был введен и ряд новых налогов, как, например, «полоняничные деньги», предназначавшиеся для выкупа людей из татарского плена. В первой половине XVI века владения многих представителей знати и больших влиятельных монастырей освобождались от уплаты главных государственных налогов (такое владение обозначалось словом тюркского происхождения «тархан»). В середине XVI века этому также был положен конец. В статье 43-й Судебника 1550 года было записано: «А торханых (грамот. — Б.Ф.) вперед не давати никому; а старые грамоты тарханские поимати у всех». Хотя, подобно ряду других решений, и это постановление не было полностью проведено в жизнь, большая часть тарханских грамот действительно была изъята.

Размер государственных доходов сильно увеличился и с отменой кормлений. За освобождение от власти наместников и волостелей население обязывалось уплачивать в государственную казну новый налог — «кормленный окуп». Размер его был весьма значительным. Для Двинской земли в 1556 году он был установлен в размере 20 рублей с сохи. В рассказе официальной летописи отмечено, что после решения о сборе такого налога царь «бояр же и велмож и всех воинов устроил кормлением, праведными уроки, ему же достоин по отечеству и дородству, а городовых в четвертой год, а иных в третьей год денежным жалованьем». Таким образом, собранные средства, как и раньше (до отмены системы управления с помощью кормлений), шли на содержание дворянского сословия, но получали эти средства бояре и дети боярские из государственной казны, что способствовало усилению зависимости дворянского сословия от государства.

Следует обратить внимание и на некоторые стороны политики

государства по отношению к создававшимся в конце 30-х — 50-х годах XVI века органам сословного самоуправления.

Уже при введении института губных старост были предприняты усилия, чтобы подчинить их деятельность руководству и контролю центральных органов управления. Сведения о выборах старост должны были посылаться в Москву, власти надлежало информировать и о судьбе имущества казненных за разбой людей. Наконец, в Москву можно было жаловаться на бездеятельность старост, их дурные поступки. В этом случае обещали «старосту казнити без милости». В своей работе старосты также должны были руководствоваться наставлениями, содержащимися в текстах губных грамот, а позднее подробными наказами, составленными в Москве.

Те же особенности государственной политики отчасти даже в более жесткой форме проявились и при создании органов земского самоуправления: за дурное, недобросовестное исполнение обязанностей земским судьям и старостам угрожали смертная казнь и конфискация имущества. Грамоты о создании органов земского самоуправления предусматривали, что все спорные дела между людьми разных волостей должны рассматриваться на суде в Москве.

Неудивительно поэтому, что создание органов сословного самоуправления сопровождалось расширением центральных органов управления и усложнением их структуры. Разумеется, и ранее в княжеских канцеляриях трудились своеобразные чиновники того времени — дьяки и подьячие. Название говорит о том, что первоначально в княжеской канцелярии, как и в княжеских канцеляриях других европейских стран, работали клирики — духовные лица, которые в силу своего образования лучше владели искусством письма. Ко второй половине XV века дьяки и подьячие были, как правило, светскими людьми. Постепенно в конце XV — первой половине XVI века отдельным дьякам или даже группам дьяков стали поручать определенные дела. Так, например, были дьяки, наблюдавшие за ямской гоньбой (организацией быстрого проезда гонимых с разными государственными поручениями, для чего устраивались особые станции — ямы, где можно было брать новых лошадей). Однако лишь с реформами 50-х годов возникли особые органы центрального управления, сначала называвшиеся «избами» (по особым помещениям, построенным для них в Кремле), а потом получившие название «приказов». К сожалению, лишь в исключительных случаях мы более или менее точно знаем время создания того или иного приказа. Так, известно, что в 1549 году «приказано посольское дело Ивану Висковатого, а был еще в подьячих». Иван Михайлович Висковатый стал первым главой Посольского приказа — ведомства иностранных дел в России XVI—XVII веков. В середине 50-х годов XVI века в документах упоминается «Поместная изба», которая занималась учетом и распределением поместий, и «Разрядная изба», занимавшаяся организацией

военной службы и назначением на военные должности. К середине 50-х годов XVI века относятся и первые упоминания о создании «Большого прихода», которому предстояло стать в дальнейшем главным финансовым учреждением страны. Для руководства и контроля за деятельностью губных старост в 1555 году было создано новое ведомство — Разбойная изба, сменившая бояр, «которым разбойные дела приказаны». Особые территориальные органы управления — «четверти» — после отмены кормлений занимались сбором налога «за наместничий доход», выплачивали из этих средств жалование бывшим кормленщикам и осуществляли надзор за земскими органами самоуправления.

Увеличение государственного аппарата, усложнение его структуры, расширение его функций вели к увеличению роли и значения занятого в этом аппарате чиновничества, что со временем стало вызывать враждебную реакцию со стороны некоторых представителей знати. Так, в «Истории о великом князе Московском» с явной неприязнью упоминаются «писари же наши руския, им же князь великий зело верит, а избирает их не от шляхецкого роду, ни от благородна, но паче от поповичев или от простого всенародства». Слова Курбского красноречиво свидетельствуют о той силе и значении, которые приобрело чиновничество после реформ 50-х годов, хотя очевидна и их тенденциозность: наиболее видные дьяки происходили из добрых дворянских фамилий, а во главе целого ряда «изб» и в 50-е годы XVI века стояли бояре.

Как бы то ни было, создание приказов стало важным шагом по пути усиления роли государства в самых разных областях жизни русского средневекового общества. Наконец, следует отметить еще один важный аспект преобразований 50-х годов — осуществление комплекса мер, направленных на то, чтобы заставить сословия выполнять свои обязанности по отношению к государству.

Целый ряд таких мер был предпринят по отношению к дворянскому сословию. Уже приступая на рубеже 40 — 50-х годов XVI века к осуществлению реформ, правительство вынуждено было констатировать, что у него нет точных данных о размерах владений детей боярских и непонятно поэтому, какую службу можно спрашивать с этих владений. Эти трудности были устранены благодаря общему земельному описанию, проведенному в первой половине 50-х годов. Завершение писцовых работ совпало по времени с изданием «Уложения о службе», сообщение о котором сохранилось в рассказе официальной летописи. «Уложение» установило единую норму службы для всех представителей дворянского сословия: и вотчинников и помещиков — «со ста четвертей добрые угожей земли человек на коне и в доспесе в полном, а в далной поход о дву конь». Чтобы выяснить, как дети боярские выполняют предписания «Уложения», в середине 50-х годов XVI века был проведен целый ряд смотров, на которые дети бо-

ярские должны были являться с боевыми слугами в полном вооружении. Особенно масштабным был смотр, проведенный в июне 1556 года в Серпухове во время сбора войска для войны с татарами. В нем принял участие сам царь, который «смотрит свой полк, бояр и княжат и детей боярьских людей их всех, да уведает государь свое войско, хто ему как служит».

Все сказанное позволяет говорить о противоречивом характере реформ 50-х годов XVI века. С одной стороны, эти реформы содействовали формированию сословий средневекового общества как структур, автономных по отношению к государственной власти, со своими органами самоуправления, в руки которых перешла значительная часть власти на местах. С другой стороны, были сделаны важные шаги для расширения материальных возможностей государственной власти, укрепления ее аппарата управления. Противоречивость реформ отражала противоречия в положении и сознании боярства, знати, которая проводила эти реформы, — она воспринимала себя то как высший слой формирующегося дворянского сословия, заинтересованный в расширении его прав и привилегий, то как правящая, находящаяся у власти группа, отождествлявшая свои интересы с интересами государства.

С завершением реформ 50-х годов Русское государство оказалось на своего рода историческом перекрестке. Развитие могло пойти по пути дальнейшего расширения прав сословий, возникновения сословных органов общегосударственного характера и создания сословно-представительной монархии, но могло пойти и по иному пути — пути полного и всестороннего подчинения формирующихся сословий власти государства и его аппарата. Выбор пути в значительной мере зависел от лица, стоявшего в то время во главе Русского государства, — царя Ивана IV.